

**ФРЕНЦА
ЦЁЛЛЬМЕР**

**ДНЕВНИК
НАТУРЩИЦЫ**

Френца Цёлльнер
Дневник натурщицы

«СОЮЗ»

1907

Цёлльнер Ф.

Дневник натурщицы / Ф. Цёлльнер — «СОЮЗ», 1907

ISBN 978-5-6050127-5-7

Любуясь прекрасными произведениями изобразительного искусства, мало кто задумывается о том, что немалую лепту в создание этих шедевров помимо художников и скульпторов вносят и те, чей труд остается практически незаметен – а именно «демонстраторы пластических поз» или попросту «натурщики». Как много мы знаем об этой профессии? Может ли натурщик заработать много денег? Сложно ли стоять неподвижно на одном месте? Испытывают ли художники чувства к своим моделям? В книге «Дневник натурщицы» – Френца Цёлльнер не только дает ответы на эти, а также многие другие вопросы, но и без утайки рассказывает о всех секретах своего непростого мастерства.

ISBN 978-5-6050127-5-7

© Цёлльнер Ф., 1907

© СОЮЗ, 1907

Френца Цёлльнер

Дневник натурщицы

Fränze Zöllner

«TAGEBUCH EINES AKTMODELLS»

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

WWW.SOYUZ.RU

Введение

Записи, собранные в этой книге под названием «Дневник натурщицы», присланы мне одним приятелем-врачом (описание личности его читатель найдет на первых страницах книги) с просьбой просмотреть их перед публикацией, удалить неудобные места, и, наконец, – что самое трудное, – найти для них издателя. Нужно быть такой чарующей личностью, как мой приятель, для того, чтобы убедить натурщицу, то есть девушку из беднейших слоев населения, написать свой дневник. Как я убедился, неинтеллигентные люди всегда с величайшим недоверием встречают предложение совершить какую-либо интеллигентную работу. А тем более наши натурщицы. Эти девушки либо ничего не рассказывают нам о своей жизни вне мастерской, либо они беззастенчиво лгут. Намеренно ли, или инстинктивно, но они всегда проводят резкую грань между часами, проводимыми ими с художниками и вводящими их в совершенно иной круг людей и всем тем, что составляет, в сущности, их жизнь. Мне кажется, что художнику лишь с большим трудом, и то случайно, удалось бы проникнуть в те круги, где он мог бы встретиться со своими натурщицами. Из мрака большого города они появляются в ярко освещенных мастерских, чтобы затем снова исчезнуть для нас во тьме, из которой они явились. Какому-нибудь юному студенту, быть может, и удастся сойтись с бывшей натурщицей, ошастливившей его своей благосклонностью, но обыкновенно очень трудно узнать что-либо об их частной жизни.

Может случиться, что художник настолько хорошо изучит тело натурщицы, что он немедленно узнает его даже при покрытой голове и в то же время он может не иметь ни малейшего представления о том, что происходит в душе девушки.

Эти записи являются для меня ценным дополнением: автора их я мог бы немедленно узнать по одному рассказу, в котором я играл некоторую роль (история с трубочистом); я узнал бы ее, даже если бы мой приятель не назвал ее мне, какое-то время она подрабатывала у меня натурщицей, но, к сожалению, лишь короткое время. Я говорю «к сожалению», так как я сравнительно мало пишу женские фигуры. Я могу в любую минуту восстановить в своей памяти линии ее тела и ее миловидное детское лицо, но только из ее дневника я узнал, каким челове-

ком она была на самом деле. Мне хотелось бы дополнить портрет, написанный самой девушкой, несколькими штрихами, запечатлевшимися в моей памяти.

Девушка очень рано стала обладательницей почти зрелой женской красоты, которая, однако, благодаря одному обстоятельству, которое мне не хотелось бы называть, производила совсем детское впечатление. Она была отлично сложена, и это придавало особую прелесть ее движениям. Иметь такую натурщицу – большое счастье для художника, потому те, кто знал нашу Френцу, не выпускал ее из своих рук. Девушка ощущала такое сильное стремление к образованию, что она вымаливала каждую книгу, которая попадалась ей на глаза и еще не была прочитана ею. Хотя она и была веселым, общительным человеком, однако никогда первая не начинала разговор; всегда нужно было спросить ее мнение о чем-то; и тогда она просто и смело начинала говорить и могла быть веселой и остроумной. Во время сеансов она часто клала недалеко от себя книгу и, читала ее затем целыми часами. У нее были также артистические способности; я помню, что, когда я объяснял ей картину, для которой она должна была позировать, она до такой степени усваивала свою роль, что потом очень часто помогала мне в работе.

Есть много людей, не только среди буржуазных филистеров, но даже в тех самых кругах, из которых выходят наши натурщицы, для которых публичная женщина и натурщица одно и то же. Этим людям я хочу сказать, что Френца была в хороших отношениях с моей женой и детьми и часто, когда она была голодна, обедала у нас.

Я помню, как-то раз, мои дети пришли ко мне наверх в мастерскую, и мой старший, тогда шестилетний сын, разъясняя своей маленькой сестренке различные этюды и картины, сказал, указывая на большой набросок тела Френцы: «а здесь Френца одета голой».

Этими словами он хотел противопоставить этот этюд тем многочисленным этюдам, на которых персонажи были в костюмах. Всем людям должно было бы казаться простым и понятным, что у художника девушка «одевается голой».

По просьбе моего приятеля, мало знакомого с художниками, я удалил из книги все, что могло дать слишком ясные указания на лица или художественные произведения, а тем самым, косвенным образом, и на их авторов. Кроме того, осторожно сделал небольшие поправки в слишком непонятных местах, кое-что сократил, но не прибавил ни единого слова.

Берлин, 1-го Марта 1907 г.

* * *

10 мая 1896 г.

Справа стоял один в длинном белом балахоне, таким, какие обычно носят скульпторы, и он говорил «у нее нитевидный пульс».

Слева другой, также в белом балахоне, ответил: «я не нахожу никаких повреждений». Затем тот что справа сказал: «удивительное тело, почти вполне развитое и все-таки такое детское». Левый возразил: «у моей дочери было почти такое же, когда ей было около 14 лет». Затем тот справа отпустил мою руку; у меня было странное ощущение, когда он ее отпустил, как будто, она принадлежала не мне. Потом другой, слева, сказал: «вы не заметили, господин доктор, что все вещи были очень плохо и небрежно застегнуты»? Тогда другой, тот, что был доктором, сказал: «нет, не заметил, но у нее, к счастью кажется, нет никаких повреждений, она нигде не реагирует на надавливание». Вдруг левый говорит: «посмотрите-ка, доктор, здесь на левом плече у нее четыре явных углублений, как будто от пуговицы». Доктор перешел на другую сторону и сказал: «измерьте-ка расстояние между ними». «Уже» – ответил другой. Точь-в-точь как на моем пиджаке. «Да, – сказал доктор, здесь, кажется, совершено преступление, или попытка к нему; надо послать за полицейским».

Тут я сразу почувствовала себя лучше и даже попыталась двигаться, ведь мать постоянно твердила мне, чтобы я никогда не впутывалась в истории, где приходится иметь дело с поли-

цией и судом; «потому что, – говорила она, ты никогда не выйдешь замуж, если они хоть раз где-нибудь упомянут твое имя».

Но говорить я все еще не могла; а мужчины в белых балахонах, видимо, заметили, что я чего-то хочу, так как один из них, который, вероятно, стоял позади меня, сказал: «Наконец-то она пытается что-то сказать нам, что с тобой случилось, дитя мое»?

И тут над моим лицом наклоняется седобородый господин с большими голубыми глазами и полными щетины ноздрями. Вид у него был ужасно добрый. Таким он и был на самом деле. Сначала они дали мне воды, а затем накрыли меня одеялом. Тогда я сказала: «нет, не было никакого преступления; это была просто шутка».

Тогда господин с седой бородой сделал очень печальное лицо, на нем уже не было белого балахона, а только серый костюм. Он поговорил с доктором, тот был моложе и в пенсне, я услышала только: «оставьте мне ее, я врач по детским болезням и узнаю у нее все, что нужно». Я подумала: «конечно, как бы ни так!» Но так оно в результате и случилось.

Я очень быстро оделась и осторожно осмотрелась вокруг; комната была маленькая и почти полупустая; на стене висели два маленьких стеклянных шкафа с бутылками и такими штуками, какие бывают у зубных врачей; позади меня было окно с матовыми стеклами, ну, теперь я сразу поняла, где я нахожусь, потому что на стекле был нарисован красный крест, правда из комнаты он не казался таким красивым, как с улицы; крест мне был знаком: это была станция скорой помощи. И тут я ясно все вспомнила.

Затем господа доктора опять вернулись из смежной комнаты, – они дали мне одеться одной – и, когда я уже собиралась уходить, старый доктор говорит: «нет, дитя мое, ты еще слишком слаба, я нашел и привез тебя в моей карете; ты поедешь со мной, я отвезу тебя домой».

Это было очень кстати так как я была еще слишком слаба. «Куда же?» – спросил он, когда мы сели в карету. Я не хотела называть улицу. «Ну, – сказал он, ведь ты живешь, наверное, в северной части города, так поедем сперва к Ораниенбургским воротам». По дороге, он ласково уговаривал меня, чтобы я ему рассказала, кто я и чем занимаюсь. Я призналась, наконец, что я натурщица, но ни за что не соглашалась назвать ни своего имени, ни адреса. Я рассказала ему, что мой отец бухгалтер и когда у него начало вдруг сводить пальцы рук, он вынужден был бросить работу, и однажды он сказал матери: «ступайте с детьми в Академию живописи, там вы сможете позировать и получать за это деньги». Мать так и сделала и дело пошло настолько хорошо, что я практически перестала появляться в школе, так как постоянно позировала художникам. Для того, чтобы меня не отчислили, мать постоянно писала записки, что у меня раздражение слепой кишки и я не могу присутствовать на занятиях. Была ли я счастлива дома? Трудно сказать, но я точно не была там несчастной. Отец и мать часто ссорились и тогда отец уезжал из дому на пару дней, но потом снова возвращался. Не знаю почему, но это всегда происходило из-за денег. Рассказываю ли я матери все?

– Нет.

– Почему же нет?

– Она не интересуется.

– Так у тебя нет никого, кому ты могла бы доверить все, что ты переживаешь и думаешь?

– Нет.

– Ты веришь, что я хорошо отношусь к тебе?

– Да, – говорю я, – вы очень добрый.

– Мне доставит большую радость, если ты будешь раз в месяц приходить ко мне и рассказывать мне все, что с тобой произошло!

Я, право, не знала нужно ли мне все это, а потому я колебалась.

– Однако, – сказал он, мне с трудом удастся добиться твоего доверия. Может быть будет лучше, если ты станешь писать мне?

– Но что же я буду вам писать?

– Напиши мне, например, все, что происходило с тобой сегодня, с того момента, когда ты проснулась; все, все, что ты слышала и видела.

– Ну, хорошо, сказала я, но пройдет несколько дней, пока я смогу все вспомнить и записать.

– Это не важно, я хотел бы только, чтобы ты принесла мне свои записи в мои приемные часы с 4 до 5 на.....улицу дом № 11. Обещаешь мне?

Я сказала: «да», и вот, я вам все написала, господин доктор, но на что вам все это, я, право, не знаю.

Ваша Ф. Ц.

21 мая

Доктор очень обрадовался и сказал, что я хорошо умею наблюдать, вероятно я этому научилась у художников и скульпторов, и еще он сказал, что у меня хорошая память и я должна продолжать записывать все и приносить ему; не следует только писать постоянно такими короткими предложениями. Еще он сказал, чтобы я подробно написала, что происходило со мной раньше. Ему хочется выведать, почему я тогда потеряла сознание я это напишу, но только для себя; он подал мне хорошую идею. Я так часто бываю одна, так как днем мать идет с моими маленькими братьями и сестрами в мастерские, а вечером ей скучно, и она уходит, отец из-за этого всегда бранится, а я должна дать детям поужинать и уложить спать; ну, а потом что же мне делать? Нелепые детские книги я знала уже наизусть; вот я и пишу в толстой пятидесяти пфенниговой тетради, которую мне подарил доктор.

Итак, до Ораниенбургских ворот я доехала в карете; а затем я должна была идти пешком, так как дома мне всегда дают деньги только для поездки в один конец; это для того, чтобы художники хоть что-нибудь давали мне ежедневно на дорогу домой. Мать тоже как раз вернулась домой и посмотрела на мои башмаки, они были очень грязные.

– Ты, конечно, снова ничего не получила, разиня, – сказала она и взяла мою книжку.

Дело в том, что я должна записывать в специальную книжку где и у кого я позировала и сколько мне за это заплатили. В тот день ничего не было записано. Тут и началось! Где я была? Ведь вчера пришла открытка с приглашением, мать все тщательно сохраняет, вот и открытка.

– Почему ты там не была?

– Я там была, – сказала я.

– Ну, и что же? Сколько часов? Почему ты не записываешь сразу?

Но я, правда, не знала, сколько времени я там была. Ну, понемножку, она все у меня выпытала; ведь я умею молчать, но не лгать. Мать немного подумала, потом как-то странно посмотрела на меня и затем сказала: «ты пойдешь завтра к нему, потребуешь свои деньги и скажешь, что твоя мать также сейчас придет». Вечером она осталась дома и рано отправила меня спать. Странно, но мне было ужасно жаль, что я не могла записать все, как того хотел старый доктор; завтра мне придется поволноваться, подумала я, и решила запомнить все что будет со мной происходить слово в слово. Собственно говоря, я даже не боялась своего предстоящего визита к художнику, а наоборот радовалась, что будет что записать в дневник – в конце концов, не мне нужно было бояться, а ему.

Я позвонила в его дверь и обрадовалась, услышав разговор – значит, мы не будем одни. Дверь мне отворил какой-то господин, которого я еще не знала; он был не очень красив, но выглядел веселым. Он сказал: «чёрт возьми, дитя мое, кто вы такая?» В это время в переднюю вышел художник, которому принадлежала мастерская; он пришел в некоторое замешательство. Незнакомый господин сказал тогда: «ага!! я вероятно, мешаю, гм, гм!» Тогда я сказала: «нет, вы нисколько не мешаєте, тем более сейчас придет и моя мать» – Вы мне сегодня не нужны, вы можете идти», – сказал художник.

Тогда другой говорит: «а, так вы натурщица? зайдите на минуту в мастерскую»; «ты позволишь? – обратился он к художнику, – я должен посмотреть». В мастерской он сказал: «ну-ка, дитя мое, разденьтесь!».

Я посмотрела на него, чтобы убедиться, действительно ли он художник; я давно заметила, что у художников особая манера смотреть на других людей: они как будто обрисовывают глазами все, что видят. Когда же на меня пялят глаза приказчики, то в их глазах всегда видна похоть.

Он заметил мой взгляд, рассмеялся и сказал: «Детка, тебе хочется знать, художник ли я?» – Я ответила: «мне кажется, что вы, действительно, художник».

«Да еще какой», – сказал первый художник, который, очевидно, был очень рад, что между нами не произошло ссоры.

Я разделась и встала на подиум, и стала, как всегда, принимать разные позы, чтобы он увидел, что я знаю все тонкости мастерства. Затем он сказал: «хорошо, дитя мое, оденьтесь»; «и это ты отсылаешь обратно?» – обратился он к первому. Тот снова смешался, а некрасивый посмотрел на него как-то сбоку. Затем он сказал мне, что ему нужно сделать надгробный памятник для молодой умершей девушки, и он хочет вылепить фигуру, которая возносилась бы к небу как юная душа: «но при виде толстых женщин, позирующих мне, – пропадает всякая мысль о полете. Теперь я знаю, как это сделать».

Когда я снова оделась, он сказал художнику: «должен ли ты ей что-нибудь? Если да, то уплати ей сейчас, потому что в ближайшее время ты ее не увидишь».

Теперь настал момент отщипления; художник немного нервным голосом спросил: «сколько времени вы, собственно говоря, были у меня?» Я этого не помнила, но он должен был быть наказанным, и я сказала, что пять часов. Он ужасно комично посмотрел на меня и с кисло-сладким выражением лица заплатил мне пять марок.

После этого я пошла вместе со скульптором в его мастерскую. По дороге он как бы невзначай спросил: «тот парень вздумал вчера позволить себе лишнего, да?» Я ничего не ответила, и он прибавил: «прости, но ты не выглядишь святой». При этом он с веселым выражением лица посмотрел на меня и сказал: «впрочем, уверен, ты будешь молодцом».

В его мастерской, расположенной в саду, я увидела много очень красивых работ, страшно много гипсовых эскизов, и среди них глиняную модель надгробного памятника с летящей девушкой. Пока что сложно было сказать, что из него выйдет – глиняный эскиз был настолько грязен, что ничего толком не было видно.

В тот день он не хотел больше работать; ему нужно было написать письмо, которое затем должно было быть переведено на итальянский язык, так как в Италии должен был быть приготовлен мрамор, из которого он хотел высечь памятник. Он подарил мне 20 пфеннигов на конку и с завтрашнего дня ангажировал меня сразу на 2 месяца. Он не позволил мне брать работу на послеобеденное время, а велел гулять, чтобы быть свежей в утренние часы, или читать, для того, чтобы исправить мой немецкий язык. Он дал мне с собой прекрасные книги и велел читать их вслух, чтобы я слышала литературную немецкую речь. Я отправилась домой радостная и веселая; ведь одно дело каждый день раздеваться перед другими и ничего не получать за это; и совсем другое – быть ангажированной сразу на 2 месяца, – это здорово! Мать также радовалась; она была у художника, и мы получили пирожное к кофе и горячий ужин.

20 сентября

Вчера он уехал в Италию, это продолжалось гораздо дольше чем два месяца. Чудесное это было время для меня. Правда я многое вытерпела с этим неподвижным стоянием, и положением тела, которое должно было казаться, как бы летящим. Было нелегко, кроме того, по утрам он был в ужасном настроении и отпускал такие ругательства и проклятия, что окна мастерской тускнели, как он сам говорил. Но во время пауз, или, когда ему не хотелось работать – было

просто восхитительно. Он добрый и веселый, и ни капельки не влюблен в меня, так что лучшего я не могла бы и желать. До его возвращения, я снова должна бегать в поисках работы. Но он написал мне адреса некоторых своих коллег, к которым я должна зайти с рекомендацией от него, он обещал, что они дадут мне работу, которой я буду довольна.

29 декабря

К Рождеству я получила из Флоренции маленькую брошку из разноцветных камней. Собственно говоря, за три месяца, это было первым толчком к тому, чтобы я снова села писать свой дневник. Пятидесяти пфеннинговая тетрадь почти закончилась, и я должна купить себе новую. Для этого нужно, чтобы мне подарили пятьдесят пфеннингов сверх оговоренного заработка, потому что мать отнимает все, что есть у меня в кошельке. Недавно она даже побила меня, так как один господин написал ей, что я слишком много верчусь на месте, и он не сможет больше приглашать меня, если я не буду сидеть спокойнее. Но тут я заявила, матери, что тогда я пойду к директору школы и расскажу ему, что в истории с раздражением слепой кишки нет ни слова правды и что на самом деле я позирую художникам. Больше бить она меня не стала, так как без моих денег ей не свести концов с концами.

За это время я познакомилась со многими художниками, во-первых, с теми, к которым меня послал скульптор, а затем с теми, к которым в свою очередь меня послали эти последние. Не всем художникам, очевидно, живется хорошо: так как никогда больше никто не ангажировал меня сразу на два месяца, а всегда лишь на пару часов. Многие из них очень смешные. Один из них, у которого я позировала, говорил так комично, что я не понимала ни одного слова; когда же я говорила, то он всегда отвечал «да, да», и при этом смотрел мне на губы. Сначала мне было жутко, а потом мне стало смешно. Позже я поняла, что он глухой. Именно так (иногда, ведь можно написать и короткое предложение). Я спокойно сидела, он безмолвно писал на своем мольберте, как вдруг что-то тяжелое с сильным грохотом упало на пол. Я немножко вздрогнула и страшно испугалась. Художник засмеялся и показал мне причину шума. Кто-то позвонил, а так как он звонков не слышит, то прикрепил груз в 25 кило таким образом, что он должен был упасть с большой высоты, если кто-то позвонит. Грохот же он, конечно, слышит вполне ясно; говорят даже, что он может танцевать под музыку, он ногами чувствует вибрацию.

В одном большом доме жила целая куча художников; но никогда нельзя было узнать, кому принадлежала мастерская; постоянно трое или четверо бывали в ней вместе, причем вся их деятельность очевидно заключалась в том, что они снимали мастерскую, а для работы же никто из них денег не имел. Но между ними попадались такие славные ребята, что я позировала им в кредит. Одному я как-то раз позировала для конкурса вывесок, другому для иллюстраций сказок. Деньги я должна была получить через четыре недели. Я отправилась туда, но встретила неутешительную картину. Первый, тот, что вывески делал, устроил себе скамейку и стол из угольных брикетов, все остальное было заложено; он сидел и насвистывал что-то маленькому скворцу: хотел его выдрессировать и продать за 10 марок. Но, он совсем не выглядел удрученным. «А к иллюстратору и ходить нечего», – сказал он мне, к тому же он болен». Ну, этих двух должников, очевидно, мне никогда не доведется вычеркнуть из моей записной книжки. И зачем только такие люди становятся художниками? Для этого требуется больше денег, нежели для чего-либо другого, ведь, очень редко кому-нибудь нужно то что они делают. Но, как раз те, которые ничего не имели, были всегда самыми веселыми. Когда я спросила одного из них, как у него получается всегда быть в хорошем расположении духа, он торжественно ответил: «цветы, что пахнут, художники, что творят, птицы, что поют, – все они самые прекрасные, но и самые беззащитные существа», ну или что-то в этом роде.

Собственно говоря, я люблю этих людей, они очень самонадеянны, но никогда не бывают нахальны. Месяц тому назад, со мной случилась такая история. Я была приглашена к одному художнику, которому нужно было рисовать фигуры на потолке. Для этого он соорудил себе

мостики из двух больших мольбертов, вышину которых он довел до трех с половиной метров, привинтив к ним толстые бревна, на эти бревна он положил крепкие доски, а поверх всего прикрепил большую чертежную доску. Я должна была сначала залезть на шатающуюся лестницу, почти такую же, как наша, дома, для мытья окон, а потом забраться дальше на мостки. Правда я не испытывала особого желания этого делать. Однако художник, так горячо убеждал меня, что это безопасно, что сам полез на лестницу, чтобы помочь мне. Но вдруг один из мольбертов, имевший колеса, пришел в движение, и вся конструкция обрушилась с ужасным грохотом. Мы крепко держались друг за друга и, так как лестница устояла, то мы не пострадали. Затем в течение доброго часа художник устанавливал новый помост. Помост был необходим, потому что художники должны рисовать картины на потолке таким образом, как будто они все это видят с низу. На этот раз все было сделано прочно и, художник скоро приступил к работе. Спустя некоторое время раздался стук в дверь и так как слезать с помоста было слишком долго, то художник посоветовал мне лечь, и тогда снизу меня не будет видно. Так я и сделала, а затем услышала, как кто-то вошел – это была дама, с которой он разговаривал о различных предметах; мне скоро стало неудобно лежать, и я попробовала повернуться; но тут, я чуть не умерла от страха; на крыше, у самого слухового окошка, под которым я лежала, стоял трубочист и, ухмыляясь, смотрел на меня. Что мне было делать? Сначала, как это ни было трудно, я спрятала свое лицо, так как это была единственная часть тела, которую этот наглец мог когда-либо снова узнать, затем я стала искать глазами что-нибудь, чем я могла бы накрыться. Один из мольбертов был покрыт тонкой материей, и я ухватилась за нее. Я потянула ткань на себя, как вдруг почувствовала, что на ней висит какая-то тяжесть. Я потянула сильнее, вдруг дама, как вскрикнет! Очевидно, котенок, живший у художника, видя, что материя двигается, ухватился за нее и готов был вместе с ней совершить ко мне воздушное путешествие. Когда дама ушла, и мы успокоились, художник револьвером пригрозил трубочисту, умиравшему от хохота, и мы продолжили сеанс, одновременно обсуждая случившееся. Художник сказал, что люди потому неохотно обнажаются, потому что понимают, что не обладают совершенной красотой; я же, говорил он, сама знаю, что у меня прекрасное тело, отчего же я так сильно стыжусь своей наготы? Я подумала и не знала, что ответить; странно, перед художниками я раздеваюсь легко, перед другими же мужчинами мне просто невыносимо это сделать. Тогда художник сказал: «когда мы выбираем человека, который будет нам позировать, мы всегда с большим уважением относимся к нему и его телу». В обычной же жизни обнаженное тело всегда вызывает блудные мысли; а это последнее дело для порядочной девушки. «Ну», – возразила я, а на балах? Почему же там дамы ходят в декольте?» Он ответил, что лишь в весьма редких случаях дамы хотят этим пробудить в мужчинах сладострастные чувства, все дело в том, что по одному только лицу невозможно судить о телосложении девушки, а так как для продолжения рода нужны здоровые женщины, то девицы обнажают свои плечи; по ключицам и груди можно легко составить себе представление о всем теле. На востоке, прибавил он, матери молодых людей осматривают с головы до ног молодых девушек для того, чтобы их сыновья получали красивых и здоровых жен. Вот, таким образом, я еще и учусь кой-чему.

17 января 1897 г.

Вчера я пошла к одному художнику, который уже давно был должен мне четыре марки. Войдя к нему, я удивилась, почему при таком собачьем холоде двери у него открыты. Взглянув внутрь я сначала не поняла, что там происходит. Тут меня увидел художник, сидевший в углу в пальто и в шляпе, и куривший сигару. Он рассмеялся и сказал: «Франца, покатайся-ка на коньках!» И правда, весь пол был покрыт сплошным льдом. Я спросила его, не планирует ли он открыть каток и подзаработать на эти деньги. Он рассказал мне, что прошлой зимой у него замерз водопровод, и домовладелец страшно ругался и потребовал оплатить огромный

счет. «Зимой нужно оставлять кран чуть-чуть открытым», – говорил он, чтобы водопровод не замерзал».

Ну, вот, художник так и сделал, но сточное отверстие замерзло и с трех часов пополудни до десяти часов утра следующего дня вода текла, не переставая и вся замерзла. «Если же я истоплю печь, то вода потечет через потолок к жильцам нижнего этажа, что же мне делать»?!

Мы немного повеселились и поскользили по мастерской, как по настоящему катку, и в конце концов, когда оба устали, то при помощи шпателей и палитровых ножей мы попробовали соскоблить лед с пола. Дело шло очень успешно, и мы радовались всякий раз, как нам удавалось отломать большой кусок льда, который мы выбрасывали в окно на соседнюю крышу. Было уже двенадцать часов, я все еще ничего не заработала. Мне все-таки удалось получить от художника две марки, и я пошла домой. Если мать спросит, то я скажу, что у одного дымила печь, у других мастерская замерзла, а третьих я не застала дома.

20 февраля

Я доехала по городской железной дороге до Фридрихштрассе и, собственно говоря, не знала, куда мне сегодня идти, так как у меня не было ни одного приглашения. Ах, быстрее бы мой скульптор вернулся из Рима! Вдруг я увидела одного из тех художников, что живут все вместе в большом доме с мастерскими. Но как он выглядел! В цилиндре, в перчатках, в прекрасном зимнем пальто и с роскошной тростью под мышкой.

Я подошла к нему, и он очень дружелюбно поклонился мне, но с таким важным выражением лица, что я не выдержала и прыснула от смеха.

Я спросила, куда он идет? Очень тихо, так, чтобы мой вопрос не услышал никто из многочисленной публики, спускавшейся вместе с нами по лестнице. Он ответил: «К Блейхредеру!» – «Да ну, – сказала я, значит, настали тяжелые времена?» – «Надо надеяться на лучшее, ответил он. Каждый из нас посвятил рисунок Блейхредеру, и я несу их ему. Такой человек должен же хоть что-нибудь сделать для искусства, а так как у меня есть действительно очень красивые рисунки, надеюсь, что он сделает нам заказ».

Так за разговорами мы дошли до Беренштрассе. Теперь я должна была перейти на другую сторону улицы и подождать пока художник не поговорит с Блейхредером, и, если дело выгодно, остаток дня мы решили провести вместе. На той стороне, на углу, был художественный магазин; я заглянула в его окно, чтобы скоротать время, и увидела две картины, для которых я позировала. Сколько людей меня уже видели голой, сами того не зная! Я уже обдумывала, не пересмотреть ли мне еще раз все картины, как увидела, что возвращается мой, так элегантно одетый сегодня художник. Лицо у него было очень удрученное. Мне было достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что он ничего не добился.

– Ну? – спросила я.

– Меня не пустили дальше швейцара. Я хотел быстро взбежать по лестнице, как меня догнал его королевское высочество швейцар с вопросом: «Что вам угодно?» Я спокойно ответил, что направляюсь к господину фон Блейхредеру. Он спросил: «к которому?»

Значит, их было несколько. О сыновьях я кое-что слышал и ответил: «К старику». «Ну, ну», – сказал швейцар, не желал бы я вам с ним сегодня встретиться, – и при этом он глупо рассмеялся, старик давно помер».

Я выразил свое сожаление, но сказал, что мое дело представляет интерес и для старшего сына. «Собираете деньги?» – спросил великан. – «Да нет же, я хотел предложить ему свои картины». – «Такие визиты надо заранее обговаривать. Так что прошу вас обратиться отсюда вон. До свидания»

«Итак, Френца, опять ничего не вышло».

Мы попрощались и разошлись в разные стороны.

1 марта

Вчера один скульптор сказал мне такое, что заставило меня призадуматься. Он говорил об одном коллеге, что тот очень распутный человек. Я заметила, что уже неоднократно была у этого художника и он ни разу не позволил себе ни малейшей вольности по отношению ко мне. Скульптор рассмеялся и сказал!

– Ну, это совсем не удивительно. Если о девушке известно, что она состоит в связи с более высокопоставленным коллегой, то никто не сделает ей ничего плохого.

Я догадалась, кого он считает моим любовником. А он как будто вскользь поинтересовался: – Он вам писал, что вернется к маю?

Я ответила:

– Нет.

Тогда он заметил:

– Вероятно, он хочет устроить вам сюрприз.

Я шла домой, как во сне. Помню только, что я спросила скульптора, откуда он знает, что я любовница К., и он ответил, что все уже давно знали это, но кто сказал им об этом, он не помнит.

Я помню, что, когда я первый раз увидела К. у меня сразу появилось ощущение, что он не такой как все. И правда, он относился ко мне совсем не так, как другие художники. Все время, пока я позировала у него, он обращался со мной, как с ребенком, а еще много рассказывал мне о своем детстве. Интересно, зачем он делал это по отношению к девушке, которая была по сути только его натурщицей. Получается, что он меня любит? Может быть поэтому он хотел, чтобы я научилась литературному немецкому языку? Видимо ему было неприятно, что я разговариваю на берлинском жаргоне. Поэтому он мне и книги давал. Больше всего мне понравились Ромео и Джульетта. Но их следовало бы спасти. Я, например, не хотела бы умереть молодой, хотя моя жизнь вовсе не так прекрасна.

В это воскресенье меня, наконец, конфирмовали. Из-за моих постоянных «заболеваний слепой кишки», пастор не хотел меня конфирмовать раньше, так как я пропустила очень много занятий. К чему, собственно, нужна конфирмация, я не знаю. Некоторые сразу после нее поступают на обучение подмастерьями, у меня же все осталось по-старому. Мне всегда было смешно, когда пастор предостерегал нас от общения с противоположным полом. Если бы он знал, что я почти одна содержу всю свою семью благодаря тому, что позирую художникам, он, наверно, провозгласил бы меня исчадием ада номер один. А, ведь, я вовсе не такая уж плохая. В день конфирмации родители устроили небольшой праздник. Они пригласили кучу гостей, среди которых была тетка, которую я раньше никогда не видела. Она выглядела очень состоятельной. Она подарила мне очень красивую материю на платье и часы. С матерью она не разговаривала, а с отцом проронила лишь пару слов. Она сказала, что летом ждет меня у себя на даче и спросила также, чему я хочу научиться и отец ответил: вышиванию, бухгалтерии и печатать на машинке. После этого она уехала. Потом подали кофе. Затем мужчины играли в скат и выкурили все сигары, которые отец купил на мои деньги. Я же пошла гулять на улицу с подругами и купила им конфеты.

Иногда я удивляюсь сама себе. Девушка, которая знает целую кучу художников, старых, молодых, известных и не очень, которая со всеми болтает о серьезных вещах, к которой все обращаются на «вы» и говорят «фрейлейн» и «пожалуйста голову немного наклоните» – и вот эта девушка грызет конфеты и при случае играет в куклы.

3 апреля

Сегодня у меня был день сюрпризов. Я была приглашена к одному скульптору, которого я уже знала, и поэтому я пошла туда, ничего не подозревая. Едва я вошла в мастерскую и обошла большую ширму, стоящую у двери, как увидела, что на подиуме стоит голая девушка. Я

как всегда пришла вовремя, и сначала не могла понять, почему скульптор взял другую натурщицу. Но у меня не было времени удивляться, так как художник уже подошел ко мне и сказал, чтобы я сегодня сделала ему одолжение и попозировала вместе с другой девушкой. Мать постоянно твердила мне, чтобы я избегала знакомств с другими натурщицами, потому что для меня же будет лучше, если никто не будет знать, чем я занимаюсь. Однако, выбора не было, и я пошла раздеваться. Когда я вышла, другая натурщица рассмеялась: «да вы, ведь, еще совсем ребенок»... Я немного смутилась, но затем возразила, что, все мы когда-то были детьми.

В течение нескольких минут мы разглядывали друг на друга. Я никогда еще не видела взрослой голой девушки. Себя саму, я могу видеть лишь по частям. У художников не бывает больших зеркал, а дома у меня есть только маленький осколок разбитого зеркала. Хотя я и не знаю точно, как я выгляжу, но все же я смогла определить, в чем заключается наше различие. Эта девушка выглядела более крупной и полной, чем я. Лицо ее не производило особенного впечатления; нос почти сливался со лбом, а потому и глаза сидели слишком глубоко. По задумке скульптора мы должны были обнять друг друга. Мороз пробежал у меня по коже, как только я прикоснулась к ней. Сеанс начался, но он проходил совсем не так, как раньше. Обычно я почти совсем не разговариваю; если есть возможность во время сеанса я читаю, так что тишину нарушают лишь шаги скульптора, когда он хочет издалека взглянуть на свою работу, царапанье по палитре, или падение глины на пол. Другая же девушка, фрейлейн В., болтала не переставая, при этом она позировала абсолютно неподвижно, так что я должна была прилагать усилия, чтобы тоже оставаться неподвижной. Вообще, это был первый случай, когда я могла сравнить себя с другой натурщицей. И мне в голову пришла мысль, а правильно ли я все делаю. И вообще, что значит правильно? Ведь, не существует никакой школы для натурщиц. Этому учатся у художников, которые постоянно требуют одно и то же, поэтому все натурщицы позируют приблизительно одинаково. Между тем В. продолжала свой бесконечный рассказ. Она хвасталась своими отношениями со знаменитыми художниками. Как будто бы в Лейпциге, живет очень известный художник, скульптор и гравер, который ничего не может сделать без нее, так как там вообще нет нормальных натурщиц. Ее приглашали позировать даже в Мюнхен. Затем она сказала, что один местный профессор хочет издать книгу, в которой она будет снята в трёхстах различных позах для того, чтобы другие люди, могли видеть, каким должно быть женское тело. При этом она так старалась стоять более неподвижно, чем я, что я чувствовала дрожь в ее напряженном теле. Но я тоже кое-что умею, поэтому фразу «прошу сделать перерыв», первой сказала все-таки она, а не я.

Во время паузы, я обычно иду к своим вещам и надеваю рубашку.

В. же осталась обнаженной, ходила по комнате, ела апельсин, подходила к скульптору, брала его под руку, и вела себя так, как будто была одета, как и он. По всей видимости она хотела показать мне в каких дружеских отношениях она находится с художниками, что может позволить себе с ними все и когда я буду обладать тем же опытом, что и она, тогда и я смогу вести себя подобным образом. Но, нужно признаться, если она так ведет себя со всеми, то вряд ли художники питают к ней уважение. Так прошли все наши перерывы, мы позировали до трех часов и затем ушли.

В. жила в каком-то аристократическом квартале, в западной части города, и мне не пришлось идти с ней вместе. Наверное, у нее репутация легкомысленной особы и потому лучше будет, если меня не будут часто видеть с ней вместе.

4 апреля

Сегодня я пришла немного раньше, чем В.

Скульптор сказал мне, что я разумное существо, а В. отравляет ему жизнь. Он всегда должен быть особенно вежлив с ней и ухаживать за ней, когда она приходит к нему, потому что она пребывает в полной уверенности, что она единственная красивая натурщица на свете.

Какой-то художник внушил ей эту дребедень, и она окончательно сошла с ума. Но, несмотря на это, прибавил он, она все-таки очень хорошая и опытная натурщица; что делать! встречаются же такие забавные индивидуумы, нужно брать их такими, какие они есть. Если ей говорить комплименты, то она на все способна. А если ей сказать, что она королева среди натурщиц, то она совсем теряет голову. По его словам, и у меня будет когда-нибудь такое же прекрасное тело: «если я буду себя хорошо вести», но я не хотела бы стать такой сумасбродной.

10 апреля

В. не могла позировать в течении двух-трех дней и прислала вместо себя «подругу». Эта девушка не рисовалась так, как В., а наоборот, была очень лаконична в разговорах и своих ответах. У нее был такой равнодушный вид, как будто ничто на свете не радует ее. Мы одновременно разделись; она даже не посмотрела на меня, ей все было безразлично. Она была опрятна, но на всех вещах ее лежал отпечаток поддельной элегантности. Так, например, то, что на дорогом корсете бывает отделано шелком, у нее было заменено дешевой материей, а так как все ее вещи были уже поношены, то они выглядели еще хуже, чем мои, дешевые. Повсюду у нее не хватало пуговиц и крючков; получается, что и к одежде она относилась так же равнодушно, как и к позированию. Таким же бесцветным было и ее тело: ничего в нем не было такого, что могло бы мне понравиться. Она была высокого роста, с чистой кожей, но вся какая-то вялая и дряблая. Вроде бы все было на своем месте, но не приносило никакого вдохновения. Нам приходилось подниматься на довольно высокий подиум и, даже это новая натурщица делала неприлично со своим неизменно равнодушным видом; выглядело это ужасно! Затем она села на обведенное мелом место, как оно было обозначено скульптором вокруг контуров тела В., и сидела как мертвая в течение битого часа. Она не проронила ни слова. Когда мы закончили и пошли домой, выяснилось, что она жила в том же районе, что и я, и мне было неловко отказаться пойти вместе с ней. По дороге она как будто немного оттаяла. Жизнь у нее была неселая; в сущности, она занималась тем, что бесконечно печатала на машинке, но время от времени старалась переключиться на что-то другое, так как совершенно тупела от однообразной работы. Таким образом она уже некоторое время подрабатывает натурщицей. Я спросила ее, нравится ли ей это занятие. Она ответила, что не знает, сколько времени это может продолжаться. Это ведь не настоящая профессия, и когда состаришься, то тело, состарится тоже и его нельзя будет больше продать. Вот, если бы она начала так рано, как я, тогда она могла бы накопить немного денег; и если не тратить их на всякие глупости, то вполне можно было бы протянуть лет шесть-семь. С В. она познакомилась случайно, и та мало-помалу втянула ее в это дело. В. очень умно поступает, что не берет себе на замену молодую и красивую девушку, поэтому художники всегда радуются, когда она возвращается. Я успокоила ее, что во всяком случае она еще надолго останется в нашей профессии, а веселая жизнь в мастерских и общение с художниками все-таки предпочтительнее работы на фабрике. Она ответила, что пока-что это дело кажется ей довольно ненадежным и ей вечно приходится голодать в ожидании приглашений на позирование, тогда как на фабриках работа кипит ежедневно, но конечно, за нищенскую плату. Да, будь у нее красивое лицо, тогда ей жилось бы намного лучше! А так? К чему, вообще, жить? «Я всем уже сыта по горло», – сказала она, и мы попрощались друг с другом.

Когда я в задумчивости пошла дальше, мне стало очень стыдно, что я считала, будто знакомство с другими натурщицами может мне навредить. Эта бедная девушка, у которой не было никаких радостей в жизни, показала мне, как незавиден и тяжел наш труд. В сущности, я еще ни разу не задумывалась о своем будущем. Сейчас я молода и свежа, и, когда я смотрю на свою мать, на которую, говорят, я очень похожа, то я убеждена, что у меня, наверно, еще долго будет привлекательный вид и я буду и дальше получать заказы от художников и скульпторов и смогу, таким образом, поддерживать своих родителей и семью. Но разве это профессия? В сущности, это неправильно, что есть на свете такие профессии, которыми люди могут заниматься лишь в

течение нескольких лет. Было бы справедливо, если бы в таком случае эти профессии оплачивались так хорошо, чтобы люди потом могли всю жизнь прожить на заработанные ими деньги. Все уверяют меня, что через несколько лет я стану очень красивой, тогда я смогу требовать хорошие деньги, а что будет потом? Но до этого еще очень, очень далеко!

11 мая

Мы должны были прервать сеансы, так как скульптор отдал отлить некоторые вещи, и формовщики работали в мастерской. Когда меня вчера снова пригласили, В. не пришла, а прислала письмо, что ее позвали в другой город к одному художнику. Скульптор злобно засмеялся и сказал: «Как ловко она умеет врать и себе и другим! Наверняка она уехала с кем-то в так называемую «художественную» поездку, но в любом случае, не с одним из моих коллег; все мы знаем, какая она сумасшедшая, никто не захотел бы с ней связываться». Он попросил меня сделать ему одолжение и сходить на квартиру подруги В. и пригласить ее на сеанс. Если написать ей письмо, то еще неизвестно, когда будет ответ и придет ли она вообще. Если я застану ее дома, то мы должны обе явиться к нему на следующий день в 9 часов утра. Он дал мне мелочь на «конку», и я отправилась.

Всю свою оставшуюся жизнь я буду помнить этот день. Треугольный старый дом; повсюду отвалилась штукатурка, торговец-зеленщик, занимавший погреб, как раз покрывал голубой краской фасад над своей дверью, прямо по дырам и кирпичам, видневшимся сквозь штукатурку. Узкая, испачканная дверь, вся трещала. Две бабы стояли перед одной из квартир; на одной из них был только шерстяной платок, снизу видна была юбка, ноги были в больших войлочных туфлях, но зато прическа была великолепна и завитые волосы блестели, как вакса и торчали на лбу, как парик. Они замолчали, когда я проходила мимо них и посмотрели на меня с таким видом, как будто хотели посадить меня на кол. Один веселый художник как-то сказал мне или кому-то другому, уже не помню, что люди терпеть не могут, когда к ним попадет человек из другой среды, если, например, кто-нибудь в дорогом цилиндре приходит в кофейню низшего разряда, то его выкидывают оттуда, а если оборванец хочет войти в ресторан, то его даже на порог не пустят. Я вспомнила это, когда обе женщины так уставились на меня. В таком доме, мои родители никогда не сняли бы квартиры. Как тяжело бы мы не жили, но я никогда не видела свою мать в таком виде, как две эти жирные ведьмы на лестнице. На пятом этаже, где должна была жить девушка, на двух дверях не было табличек с фамилиями, как будто кто-то с силой сорвал их. На третьей двери мелом было написано какое-то неразборчивое имя. Я позвонила, минуту ничего не было слышно, затем я услышала осторожную возню у двери, замок заскрипел и, наконец, дверь приоткрылась: «Что угодно»? Я спросила г-жу М. Дверь еще немного отворилась; передо мной стояла толстая, но не старая женщина, в накиннутой на плечи ярко-красной кофте, совершенно открытой спереди и обнажавшей рубашку, и почти всю полную грудь, не поддерживаемую корсетом. На ней была также юбка, но ноги были босы. Она с минуту посмотрела на меня, как будто хотела угадать, говорю ли я правду, после чего отступила назад в переднюю, сделала мне знак и притворила за мной дверь. Я вошла вслед за ней в комнату, окна которой выходили на улицу, насколько я могла увидеть через один уголок окна, потому что комната эта вся была завешана выстиранным бельем: от оконного проема к крюку в потолке, а также к другому окну и к дверце печки были протянуты веревки и на них висело, вероятно, все белье толстой женщины и, кроме, того еще какие-то мужские вещи. Она сказала мне, что для стирки такого незначительного количества белья она не может занять всю прачечную, как этого требует хозяин, да она и не может оставаться весь день внизу в прачечной, так как ей нужно готовить обед. Затем она спросила: «так вы хотите видеть М? Зачем?» Я сказала, что дело личное и г-же М., быть может, будет неприятно, если я скажу другим то, что должна передать ей. «Да разве это что-нибудь дурное? От кого Вы?»

Я ответила, что от художника, который хочет рисовать ее лицо. И тут началось! Такое лицо! И это будет рисовать художник? Эти рыбы глаза и это лицо, похожее по цвету на темное пиво и мокроту? Пусть я лучше сразу скажу всю правду. Я так и сделала, она недоверчиво посмотрела на меня и спросила, причем тут я, уж не позирую ли я также перед всеми. Я ответила: «нет, я дочь привратника». Минуту она ничего не отвечала, затем тихонько постучала кулаком в дверь соседней комнаты: «послушай, Павел, поди-ка сюда, здесь кое-то хочет видеть Мету». Дверь отворилась, и на пороге показался долговязый субъект с бледным бритым лицом, усталым и угрюмым, с волосами, завитыми на лбу, как у модистки, в рубашке из которой торчала длинная, остроконечная запонка, в оборванном, слишком широком костюме непонятного цвета. Толстая женщина влюбленно и немного со страхом посмотрела на него. «В чем дело»? Она повторила. «А мне что до этого?» – сказал он: сон у него, очевидно, прошел, так как он уставился на меня. А мое выражение лица вероятно было не слишком приветливым, так как с малых лет родители предостерегали всех маленьких девочек держаться подальше от подобных скотообразных субъектов; и мы всегда убегали, как только на пути нам встречался такой детина. Он посмотрел на меня исподлобья и подошел ближе; я невольно сделала шаг к двери; в ту же минуту он меня схватил, я почувствовала его грубые руки на своем теле, затем он приблизил свое лицо к моему и, скривив свою гнусную рожу в дружескую гримасу, сказал: «Ты можешь занять место Меты» и пытался меня поцеловать. То ли от испуга, то ли от страха, или же от отвратительного запаха водки и гнилых зубов, которым несло от него, словом, мне стало вдруг дурно, и он выпустил меня с ругательством, а я в одну секунду очутилась на лестнице и побежала вниз.

Однако мне нужно было выполнить мое поручение; поэтому, когда я внизу прочла вывеску «управляющий», я вошла. Я спросила, «в какой квартире живет фрейлен М». он как-то странно посмотрел на меня и поинтересовался: «откуда я ее знаю»? Я солгала, что не знаю ее, а у меня есть поручение к ней от художника, у которого она позирует. Тогда он сказал: «пусть художник пойдет в Барнимскую тюрьму, где она сидит. Она попала под врачебно-санитарный надзор и вдобавок украла что-то у одного господина. Была ли я наверху, на пятом этаже?»

Я ответила, что была. Он продолжал: «я сильно подозреваю, что толстая стирает белье на кухне, не так ли? И была ли она одна?» Я ответила, что там был еще какой-то мужчина. Он засмеялся и сказал, что мне повезло, что я не попала к тому в лапы, это ужасное животное и они уже давно разыскивают его, это хорошо, что теперь он знает, что тот находится наверху, он сейчас же пошлет за полицией. Я как можно скорее распрощалась и ушла, еще не доставало выступать свидетельницей. Перед моим уходом управляющий добавил: «так она еще и натурщицей была?! Господи, как низко она пала!»

На дворе уже май месяц, а у меня нет никаких известий от моего скульптора!

13 мая

Скульптор нашел себе новую натурщицу: это уже третья по счету, с которой мы позируем вместе. Эта, в отличие от двух предыдущих: любезная, ловкая, в светлом опрятном платье. Мы вместе ушли после сеанса и по дороге до дома многое рассказали друг другу. Раньше она служила няней у одного художника, и когда, однажды, его натурщица не пришла, она позировала ему вместо нее; после этого жена художника уволила ее; художник рекомендовал ее своему приятелю, тот еще одному, так что сейчас у нее достаточно клиентов и дела ее идут совсем неплохо. Узнав от меня, что я позирую с ранних лет, она заметила, что я к этому уже привыкла, и не могу себе представить, что чувствует взрослая девушка, впервые решающаяся обнажиться перед другими. Ведь я уже взрослая и понимаю, что молодая девушка видит в художнике в первую очередь мужчину и лишь потом все остальное. Разумеется, сначала она думала, что за всеми этими позированиями скрываются совсем другие цели. Да и художники всегда немного волнуются, когда в первый раз раздеваешься перед ними, особенно женатые;

этим обстоятельством нельзя пренебрегать для того, чтобы добиться более высокого вознаграждения. И вообще, говорила она, живопись – это ужасное мучение и очень трудно с ее помощью зарабатывать себе на жизнь. «Не дай Бог мне связаться с каким-нибудь художником», – заметила она, все они жуткие сплетники и, если меня хоть раз где-нибудь увидят с одним из них, то уже на следующий день все остальные узнают об этом и будут шушукаться за моей спиной.

Мне поправилась эта новая натурщица, она в отличие от предыдущих, не рисовалась, не хотела показать себя лучше, чем она была на самом деле. Как все-таки все эти девушки отличаются друг от друга! Какую же из них можно было бы назвать настоящей натурщицей? Каждая из них, кроме меня конечно, только подвернись такая возможность, с радостью перестала бы заниматься этим ремеслом. Одна я ничего не знаю и не умею, кроме как позировать перед художниками. Зато теперь я точно знаю, какой натурщицей, и какой, вообще, девушкой я буду. Достаточно я уже повидала на своем веку, чтобы ясно себе это представить. Я не хочу оказаться в таких условиях и у таких людей, как бедная Мета, и я не хочу также быть такой сумасшедшей и сумасбродной, как В., у которой в голове всякая дребедень. Зачем живут все эти девушки? И их ведь целые сотни! Ни одной из них не живется хорошо, и каждая из них надеется еще на что-то, но на что? Вероятно, я пойму это только тогда, когда повзрелею.

Я пока я буду ждать, когда мой скульптор даст знать о себе. Во всяком случае, часы, которые я провела у него, были очень и очень приятны; он делает такие прекрасные работы. Нет, все-таки я точно знаю, для чего я живу и мои родители, и братья и сестры также знают это.

* * *

7 июля

В Берлине очень тихо. Работы почти никакой, потому что на лето здесь остаются только те художники, у которых нет денег на путешествия, а это значит, что у них нет денег и на натурщиц. Зачем люди вообще уезжают? Ведь везде так же жарко, как в Берлине, или быть может существуют города где холодно?

Но, если есть места, где сейчас гораздо холоднее, то люди не могут получать от этого удовольствия; все-таки гораздо приятнее когда тепло. Я много плаваю; от этого, говорят растешь и делаешься стройной. Скоро день моего рождения, интересно вспомнит ли о нем скульптор. В прошлом году я кое-что получила от него в подарок.

20 июля

Я была у одного скульптора недалеко от – впрочем, я лучше не буду говорить где; скажу только, что недалеко от этого места была вода. У скульптора была дорогая мастерская и это доставляло ему много проблем. Он рассказал мне, что все имеет две стороны. Если у художника маленькая, бедная мастерская, то ни один человек не придет к нему, и потому в маленькой мастерской трудно заработать большие деньги. Если же снять большую мастерскую, то это подвигает к большим работам ради обретения известности, а аренда стоит так много денег, да и посетителей не так много. «Это тяжелый крест», – сказал он, как ни поступишь, все равно получится неправильно». Что ж, работы сейчас так мало, что я готова войти в его положение и довольствоваться меньшим вознаграждением за позирование, с условием, что он никому об этом не скажет. Было абсолютно тихо; в мастерской, расположенной в партере, было прохладно, как у всех скульпторов; это происходит, вероятно, от большого количества сырой глины; воздух всегда такой, как в новых зданиях, и летом я всегда с удовольствием гуляю рядом с ними, если только строители не начинают приставать ко мне. С улицы также ничего не было слышно, ни извозчиков, ни пароходов; в мастерских, с правой и с левой стороны, было также тихо, все художники уехали на дачу, как объяснил мне скульптор. Внезапно, посреди этой

могильной тишины раздались тяжелые шаги, и затем что-то тяжелое с глухим шумом ударилось о дверь мастерской. Мы с минуту молча смотрели друг на друга; затем услышали ужасные стоны и невнятный крик о помощи. Скульптор сказал: «набросьте скорее что-нибудь на себя, по всей видимости там случилось несчастье». Второпях я не нашла ничего лучшего, как надеть на себя летнее пальто скульптора, лежавшее на стуле рядом с подиумом. Оно доходило мне до пят, а рукава были слишком длинны и широки, так что я должна была их подвернуть. Между тем, скульптор открыл дверь, я увидела, что он наклонился и побежала к нему. Боже мой, там лежали два человека и оба совершенно мокрые. Мужчина, казалось, уже пришел немного в себя; он медленно поднялся, при помощи скульптора; я узнала его, это был один гравер, болезненный человек с худым лицом: он часто бывал в других мастерских, и все очень любили его за его добродушие и простоту. Скульптор сказал мне, чтобы я ему помогла, и мы вдвоем внесли в мастерскую насквозь промокшую женщину, лицо которой я не могла увидеть. От воды она была ужасно тяжелая, но если случается несчастье, то силы ведь удесятерятся. Мокрый гравер медленно шел позади, вода стекала по его лицу, так что казалось будто он плачет. При этом он не выглядел огорченным. Мы положили женщину на лежанку скульптора, это были две низенькие подушки, поверх которых была положена большая доска с очень тонким матрасом из морской травы, а сверху этого сооружения лежал ковер. Вероятно, я выглядела очень смешной в совершенно мокром пальто, так как, несмотря на весь трагизм ситуации, скульптор улыбнулся, когда мы оба поднялись и он взглянул на меня. Теперь женщина лежала лицом вверх; она была довольно милая, но слишком худая. На правой руке у нее блестело обручальное кольцо. Тут художник сказал мне, чтобы я как можно скорее сняла с нее лиф, так как я лучше его сумею это сделать; он же снимет башмаки и чулки; потому что ей нужно растереть пятки, колени и грудь. Мокрый гравер помогал мне расстегивать лиф. Это оказалось совсем не так легко, но вдвоем мы вскоре справились. Господи, как бедно она была одета, почти так же как я, а ведь она была замужем! Женщина потихоньку приходила в себя и даже приоткрыла глаза. Тогда скульптор оставил ее ноги в покое и пошел за коньяком. Он попытался влить женщине в рот коньяка, но это плохо удавалось, так как она, вероятно, наглоталась слишком много воды и кроме того, еще не вполне пришла в себя; скульптор сказал: «раз она очнулась, не надо ее раздевать дальше, она может простудиться, если же укутать ее в шерстяные одеяла, то это подействует как согревающий компресс, и она потом будет еще здоровее, чем раньше».

Мокрый гравер также взял бутылку и сделал пару хороших глотков, затем он стал ходить назад и вперед, размахивая руками, чтобы согреться. Я потихоньку удалилась за ширму, где лежали мои вещи и начала осторожно и бесшумно одеваться так, чтобы остальные совсем позабыли о моем присутствии. Тем временем скульптор и гравер завели разговор об этом «водном происшествии», и я слушала, затаив дыхание, так как мне до смерти хотелось узнать, что же все-таки произошло. И так, мой скульптор спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.